

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета
о диссертации М.И. Зверевой на тему

«ЭВФЕМИЗМЫ В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ КАК ИНДИКАТОРЫ СОСТОЯНИЯ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЫ»,

представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по научной специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Работа М.И. Зверевой посвящена междисциплинарному (тут я опираюсь на определение самого автора) рассмотрению эвфемизмов (Э) в современной публицистике. Под *междисциплинарностью* при этом понимается учет в ходе анализа материала таких научных сфер, как лингвопрагматика, юрислингвистика, социоллингвистика, психоллингвистика, когнитивная лингвистика, лингвокультурология и компаративистика (с. 4). Чуть далее М.И. Зверева говорит также о лингвоэкологии и лингвоконфликтологии, что читателя буквально интригует с самого начала знакомства с работой. Такая междисциплинарность однозначно свидетельствует о современности, *актуальности*, *научной новизне* и разнообразной (как *теоретической*, так и *практической*) *значимости* рецензируемого исследования. Новым и интересным представляется также рассмотрение Э в работе М.И. Зверевой в роли «индикаторов состояния языковой среды» (с. 5). Жаль только, что само понятие «языковая среда» раскрыто автором лишь во второй главе (с. 69), а всю первую главу читателю остается только догадываться, о чем, собственно, идет речь. Впрочем, это уже из разряда замечаний к работе, к которым я еще вернусь и которых у меня набралось довольно много.

Рецензируемое исследование опирается на солидную теоретическую базу. Так, в первой главе представлена довольно подробная история изучения Э в отечественной и зарубежной лингвистике, начиная со времен античности (V в. до н. э.) и Средневековья. Подробно рассматривается природа Э, подчеркивается различие между Э и метафорой, приводится целый ряд классификаций Э, созданных разными авторами и построенных на разных основаниях. Интересной лично для меня среди этих классификаций показалось предложение А.Р. Дегтяревой (в кандидатской диссертации 2015 г.) рассматривать Э отдельно с позиции говорящего и с позиции слушающего (с. 42). При этом первая группа Э включает «интенционально не нагруженные», авторские, единицы, не осознаваемые говорящим как Э (*ХЗ*, *блин*, *пипец* и под.). Жаль, что в собственном исследовании М.И. Зверева никак не использовала эту классификацию, но это вполне может стать интересной перспективой исследования Э. Отраден уже сам тот факт, что М.И. Зверева обнаружила эту работу, защищенную в Кемерове 9 лет назад.

Интересна и предпринятая в работе попытка разобраться с богатой терминологией, близкой к Э: в результате в этой главе подробно рассматривается еще целый ряд понятий, таких как *синоним*, *перифраза*, *антифразис*, *мейозис*, *гипербола*, *эзопов язык*, *табу*, *политкорректность* и целый ряд других. Четко и последовательно, по единой схеме, М.И. Зверева рассматривает все эти понятия в соотношении с Э.

Вторая глава работы снова начинается с изложения ряда теоретических положений, в которых поясняется, наконец, что автор понимает под *лингвоэкологией* и *языковой средой*. А далее М.И. Зверева выделяет 10 прямых номинаций, которым, по ее наблюдениям, в публицистике соответствует более 200 вариантов Э (с. 72). И все собранные Э были далее распределены по темам и сферам. Фактически в работе создан своего рода *пользовательский подкорпус* конкретного материала, и далее в этой главе подробно и отдельно для каждой единицы дается описание этих вариантов. Такой подход к материалу позволил М.И. Зверевой создать даже краткий словник Э-вариантов (с. 137), что можно рассматривать как несомненное достоинство ее работы. Разве что поместить этот словник целесообразнее было бы не в основном тексте работы, а в приложении, но и решение автора, конечно, оспаривать сложно. Тут дело вкуса.

Нельзя не отметить и весьма удачный, на мой взгляд, прием представления результатов проведенного исследования, когда все выявленные варианты каждой из 10 прямых номинаций располагаются на рисунке, который М.И. Зверева назвала «условной шкалой эмоционально-экспрессивной оценки: от эвфемистически малоэффективного до почти комплементарного» (с. 74), хотя именно эта шкала и вызвала у меня самое большое количество вопросов, замечаний и сомнений.

Но, чтобы закончить констатирующую часть отзыва, скажу еще, что каждая глава диссертации М.И. Зверевой заканчивается подробными выводами, которые затем суммируются в заключении к работе.

Ну, а теперь мои вопросы и замечания, которых обнаружилось довольно много. Начну по порядку, не разграничивая вопросы и замечания.

Так, вызывает сомнения сама междисциплинарность работы, которую М.И. Зверева провозгласила уже на первых страницах введения. Соглашусь, что во всех перечисленных ею аспектах полученные данные *могут быть* использованы, и в таком случае можно говорить о *практической значимости* рецензируемого исследования, но в самой работе я не нашла ни обещанной социолингвистики, ни психолингвистики, ни компаративистики, ни заманчивой лингвоконфликтологии, ни многого другого. Все эти аспекты провозглашены, но не задействованы автором. Можно ли в таком случае говорить о междисциплинарности *проведенного* исследования?

В работе определенно перепутаны *объект* и *предмет* исследования. На с. 5 М.И. Зверева объектом назвала конкретные «понятия, часто подвергающиеся эвфемизации: инвалидность, нищета / бедность, избыточный вес, увольнение, смерть, убийство, проигрыш в спорте, незаконные финансовые преступления и нарушения, взятки», а предметом – «эвфемизацию в публицистических текстах». Думаю, что должно быть с точностью до наоборот.

Очень неопределенно описаны источники материала: «публицистические тексты за последние 9 лет» (с. 6). И далее перечислены 86 названий газет и сетевых агентств. Каков же в результате объем обработанного и исследованного материала? Например, в номерах этих газет? Или в текстах/контекстах? Или в чем-то еще, что поддается хоть какому-нибудь исчислению?

На с. 17 М.И. Зверева пишет об «одном из первых двуязычных словарей эвфемизмов» – значит, есть и другие. Мой вопрос: не мешает ли различие лингвокультур адекватному соотнесению Э в словарях такого типа? Нет ли у автора каких-то конкретных примеров из таких словарей?

Главные мои вопросы и замечания – к исследовательской части диссертации. На каком основании проходило разделение Э (в рамках предложенных шкал) на негативные и позитивные (комплементарные)? Субъективно автором? Вряд ли это можно признать научным подходом. А ведь можно было провести серию экспериментов с привлечением в качестве респондентов разных групп носителей языка. Вот тут бы и появилась возможность говорить о социо- или психолингвистической направленности работы. Тем более, что, напомню, изначально работа М.И. Зверевой позиционировалась ею самой как междисциплинарное исследование.

В результате к этому шкалированию (к его методике и результатам) вопросов оказалось очень много.

Почему, например, *крупный* дано как негативная эвфемистическая характеристика толстого человека, а *большой* – как позитивная (комплементарная) (с. 89)? Столь же субъективным представляется и отнесение характеристики *пухлый* – к негативной левой части шкалы, а *пышный* – к позитивной правой (комплементарной). Или: *бальзаковский возраст* и *зрелый возраст* находятся в левой (негативной) части шкалы, а *почтенный возраст* и *мудрый возраст* – в правой (комплементарной) части (с. 97). Почему? Чем *зрелость* хуже (негативнее) *мудрости*? Субъективность таких решений в данном случае рождает серьезное недоверие к полученным в работе данным.

Среди комплементарных Э к слову *убить* дано, среди прочего, *зачистить/очистить*. Но объекты действия у этих глаголов определенно разные. Можно ли считать выражение *очистить местность* – эвфемизмом к глаголу *убить*?

Вообще, как тут с грамматикой? Есть ли естественное, как мне кажется, требование грамматического соответствия Э и слова-прототипа? Этого соответствия точно нет в парах *уволить* – и *оптимизировать*; *уволить* – и *попасть под сокращение*; *убить* – и *стать жертвой, погибнуть*; *умереть* – и *потерять человека* и тем более *любит ... любила*. Грамматика последнего выражения вызывает особенное недоумение. Вопросов такого рода у читателя рождается очень много.

Для слова *взятка* в пользовательском подкорпусе не нашлось ни одного эмоционально сниженного Э (с. 135). Есть ли у автора какое-то этому объяснение? Хотя бы на уровне предположения?

В работе М.И. Зверевой нет практически никаких количественных данных. Описание ведется вроде бы с учетом количества Э того или иного типа, но все ограничивается формулировками типа «самая большая группа» (с. 75), «наибольший манипулятивный потенциал» (с. 76), «максимальная комплементарность» (с. 80), «выражение ... нередко используется» (с. 81) и т. д.

Как связаны между собой понятия *эвфемизации* и *манипулирования*, о котором автор нередко говорит на страницах работы? Судя по словарным определениям данных терминов, Э – это смягчение номинации, а манипулирование – желание говорящего/пишущего что-то получить, достичь какой-либо цели. Следует ли понимать так, что Э могут использоваться в манипулятивных целях? Все ли рассмотренные группы Э обладают такой способностью? Как часто реализуется этот манипулятивный потенциал Э? Думаю, что это очень интересное направление исследования Э, которое заявлено М.И. Зверевой и которое, тем не менее, не нашло в работе должного развития.

Очень небрежно даются в работе ссылки на литературу: часто в скобках стоит одна фамилия автора (даже когда это фамилия собственного научного руководителя М.И. Зверевой), порой – фамилия с номером страницы, и очень редко – фамилия, год и страница, как положено. А в ссылках на статьи из энциклопедических словарей нет даже и фамилии автора той или иной статьи: отсылка получается ко всему словарю целиком.

Так же небрежно работа и оформлена. Много страниц, где текст дан с двойным отступом, много лишних пробелов строк – порой до 20 (!) пустых строк на страницу. А подписи ко многим рисункам даются трижды: до диаграммы, внутри нее и еще раз после. Все это искусственно увеличивает объем работы и свидетельствует о недопустимом невнимании автора к форме. Часто различается шрифт основного текста работы и сносок. Я понимаю, что многие сноски были добавлены к тексту позже, но урегулировать шрифт – дело минутное, но оно не было сделано. Тогда как речь идет все-таки о квалификационной работе.

В заключение скажу еще о формальных характеристиках исследования: объем научной литературы, которую проработала и описала М.И. Зверева, весьма невелик, он включает 157 наименований, вместе со словарями и нормативно-правовыми документами. Собственно научных работ в этом списке всего 110, плюс еще 12 статей самого автора. Думаю, что для кандидатской диссертации этого маловато.

Однако работа М.И. Зверевой прошла очень достойную *апробацию*: основные ее положения и результаты докладывались автором на 15 научных конференциях разного ранга, включая зарубежные (Испания, Эстония, Греция), и представлены в 18 публикациях, 5 из которых – из списка, рекомендованного ВАК РФ.

Таким образом, можно считать, что все обязательные требования к кандидатским диссертациям в данном случае выполнены. Высказанные вопросы и замечания, несмотря на их многочисленность, все же не снижают общего положительного впечатления, которое производит рецензируемая работа. К тому же у автора есть возможность сейчас защитить все те положения, которые вызвали у меня вопросы и замечания.

В целом диссертация М.И. Зверевой на тему: «Эвфемизмы в современной публицистике как индикаторы состояния языковой среды» является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития соответствующей отрасли знаний. Нарушений пунктов 9, 11 Порядка присуждения Санкт-Петербургским государственным университетом ученой степени кандидата наук в работе не установлено.

Работа соответствует всем критериям, которым должны отвечать диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, установленным приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», и рекомендована к защите в СПбГУ, а ее автор, М.И. Зверева, заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России.

Член диссертационного совета,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка
филологического факультета СПбГУ

Н.В. Богданова-Бегларян

27.02.2024